XV Всероссийская научно-техническая конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь»

Секция ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
Подсекция АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

1. Веселова А.Р., Голуенко Т.А.
   ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

2. Бякина О.Л.
   ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ГОДЫ ВТОРОЙ-ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТОК (1935 – июнь 1940 г.г.)

3. Контев П.А., Контева О.Е.
   ХРАМОВОЕ ЗОДЧЕСТВО НАГОРНОГО ПАРКА ГОРОДА БАРНАУЛА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

4. Коняев Р.В.
   МОБИЛИЗАЦИЯ ЛЮДСКИХ РЕЗЕРВОВ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

5. Кузнецов М.Ю.
   МЕСТНЫЕ ВОЙСКА ИРКУТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА 1884 -1899 ГГ.

6. Панченко И.А., Ростов Н.Д.
   ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РОССИИ – ДАЛЬНИЙ ВОСТОК (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.): ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИЯХ С КИТАЕМ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

7. Тейхреб Н.Я.
   ПОСОБИЯ СЕМЬЯМ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ ПРИЗВАННЫХ НА ВОЙНУ 1914 ГОДА

8. Ширшов М.А.
   ПРИЗРЕНИЕ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ, ПРИЗВАННЫХ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

9. Попова И.А., Ростов Н.Д.
   ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В АЛТАЙСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

XV Всероссийская научно-техническая конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь»

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Веселова А.Р., Голуенко Т.А.
Алтайский государственный медицинский университет (г. Барнаул)
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

Государственно-церковные отношения являются важной составляющей внутренней политики любого государства. В средние века церковь имела огромное влияние в Европейских странах. Существует множество примеров его проявления, как во внутренней, так и во внешней политике государств. Но на стыке XIX–XX веков эта власть в ряде стран ослабла, и произошло отделение церкви от государства. Это означает, что церковь больше не вмешивается в политические проблемы, а государство, в свою очередь, не вмешивается в дела церкви (если только не нарушаются законодательство), а также не регулирует отношение своих граждан к религии. Но так как этот процесс был не одинаков во всех странах, стали выделять несколько моделей отделения церкви от государства, например, сепарационную и кооперационную.

Кооперационная модель предполагает сотрудничество государства и церкви в определенных сферах, прежде всего в социальной, так как религия имеет большое значение в жизни общества. Ярким примером такой модели является ФРГ. Сепарационная же модель предполагает полное разделение религиозных организаций и государства, но при этом гарантирует защиту прав верующих. Примером такой модели может послужить Франция.

Рассмотрим сначала первую модель – кооперационную. Государственная политика ФРГ в области государственно-церковных отношений осуществляется в соответствии с Основным Законом ФРГ 1949 г. В статье 4 Конституции Германии говорится следующее:

«(1) Свобода вероисповедания, свобода совести и свобода религиозных и мировоззренческих убеждений неприкосновенны.

(2) Гарантируется беспрепятственное исповедание религии.

(3) Никто не может быть против своей совести принужден к военной службе с оружием. Подробности регулируются федеральным законом» [1]. Благодаря ряду соглашений, называемых «Государственное церковное право», в ФРГ сложилась достаточно сложная система взаимоотношений между государством и религией.

Согласно им, государство признает привилегированное положение за тремя религиозными конфессиями: католической, лютеранской и ортодоксально-иудейской. Государство наделяет эти конфессии статусом корпорации публичного права, что дает конфессиям право взимания церковного налога, право преподавания религии в государственных школах, а также освобождает конфессии от уплаты некоторых налогов. Вместе с тем, государство периодически субсидирует данные конфессии, так как признает за ними серьезный вклад в общественно-полезную деятельность.

Помимо этого, в статье 7 (п. 3) Основного Закона ФРГ «преподавание религии в публичных школах является обязательным, за исключением неконфессиональных школ. Религиозное обучение проводится в соответствии с принципами религиозных общин, при сохранении права на надзор со стороны государства. Учитель не обязан преподавать религию против своей воли» [1].

Таким образом, мы видим достаточно тесное сотрудничество государства и церкви в вопросах образования и воспитания. Германия в целом характеризуется конфессиональным разнообразием и веротерпимостью. В стране действуют как зарегистрированные религиозные организации, так и неофициальные. Например, на территории страны зарегистрированы религиозные организации мормонов, адвентистов седьмого дня, методистов и баптистов, а также действуют такие организации как свидетели Иеговы, муниты и саентологи.

При рассмотрении государственно-церковных отношений стоит обратить внимание на государственные религиозные праздники. В ФРГ к ним относятся: Пасха, День святого Духа, Рождество Иоанна Крестителя, День святого Стефана и Рождество. Помимо этого, уровень религиозности населения можно увидеть и оценить по внешнему виду городов. Например, повсеместно встречаются изображения девы Марии на фасадах, как религиозных зданий, так и на жилых домах, причем, речь идет о современных постройках. Так же на улицах можно встретить скульптуры религиозного характера, на которые местные жители приносят горящие свечи.

На данный момент лидирующими конфессиями являются католики и лютеране. Но необходимо также заметить, что в современной Германии имеет место значительный отток прихожан из церквей. А вместе с тем, в обществе наблюдается активизация мусульманской пропаганды.

При рассмотрении сепарационных государственно-церковных отношений во Франции стоит отметить, что в государстве нет официальной религии, а значит, нет и никаких правовых привилегий для церкви. Принципы отделения религии от государства и свободы совести были установлены во Франции законом от 9 декабря 1905 г, где говорилось, что «Республика обеспечивает свободу совести», а также, что «Республика не признает, не финансирует и не субсидирует никакую конфессию. Вследствие этого в бюджетах государства, департаментов и коммун упраздняются расходы на отправление культов» [2]. Но при этом, законом предусмотрены отступления, по которым разрешается государственное финансирование капелланских служб (ст. 2), расходов на содержание и сохранение культовых зданий, находящихся в публичной собственности (ст. 13), и на ремонт культовых зданий, принадлежащих культовым объединениям (ст. 19).

В конституции Франции 1958 года в статье 1 говорится «Франция …обеспечивает равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии. Она уважает все вероисповедания» [2]. То есть, мы можем сделать вывод, что в данном государстве, в отличие от Германии, религиозная принадлежность и верования не будут являться объективной причиной не проходить военную службу.

Во Франции обозначены четыре функции государства в религиозной сфере: контроль за соблюдением принципа отделения религиозных организаций от государства во всех сферах; правовое регулирование создания, деятельности, ликвидации и регистрация религиозных объединений, надзор за соблюдением ими законодательства; защита прав верующих и их объединений [3]. Таким образом, религиозные организации и группы, дважды признанные виновными в различных уголовных преступлениях и представляющие опасность для общественного порядка и человеческой личности, могут запрещаться государством.

Можно говорить о том, что во Франции сейчас установлен сложный правовой режим, в котором трудно разделить принцип отделения от исключений, которые предполагается оставить на уровне законодательных норм. Так, например, по решению Конституционного Совета от 21 февраля 2013 г. система «признанных культов», сохранившаяся в Эльзас-Мозеле, не противоречит Конституции [4]. Хотя, как было сказано выше, считается, что все конфессии во Франции равны между собой. Кроме того, стоит отметить, что, в отличие от Германии, преподавание религии во Франции в государственных школах запрещено, как и любые другие внешние проявления религиозности.

При этом, французы все еще крестят своих детей, празднуют их Первое причастие в 12 лет и венчаются. Это считается значимым событием для всей семьи. В стране уважают все вероисповедания, но наиболее многочисленная религия здесь – католицизм. И это хорошо прослеживается в обществе, так как католические обряды глубоко затрагивают повседневную жизнь общества и, в первую очередь, праздники. На государственном уровне закреплены, а значит, считаются выходными днями по всей стране, такие праздники как: Богоявление, Пасха, Вознесение Господне, День святого Духа, Успение Пресвятой Богородицы Девы Марии, День всех святых и Рождество. Деревня или город так же имеют

покровителя, которого они чествуют в определенный день, являющийся местным выходным. И более того, во Франции наряду с прогнозом погоды дикторы телевидения объявляют, праздник какого святого отмечают в этот день.

Подведем итоги сравнительного анализа рассмотренных моделей государственно-церковных отношений. Несмотря на то, что модели имеют некоторые общие принципы, они существенно отличаются друг от друга. Основным общим принципом является то, что в основе этих моделей лежит светский характер государства. И в сепарационной, и в кооперационной модели государственно-церковных отношений государство отделено от церкви, а, следовательно, церковь не вправе вмешиваться в политику государства. Однако существует ряд отличий.

Первое и одно из основных отличий – это наличие общепризнанных религий и, как следствие, наличие у них привилегий перед остальными конфессиями. В ФРГ существуют сразу три таких религии, в то время как во Франции таковых нет. Отсюда идет еще одно различие: в Германии преподавание религии в школах является обязательным, во Франции же такого не предусмотрено [5]. Таким образом, французская сепарационная модель предполагает радикальную систему отделения церкви от государства и пассивность государства в его отношениях с церковью.

Германская кооперационная модель государственно-церковных отношений имеет ряд особенностей. По мнению ряда исследователей, данная модель государственно-церковных отношений обладает рядом преимуществ и является наилучшей в современном мире. Спецификой кооперационной модели является, с одной стороны, гарантия религиозной свободы и мировоззренческого нейтралитета, а с другой стороны, разностороннее сотрудничество государства и ведущих религиозных конфессий в ряде областей, прежде всего в социальной сфере.

Очевидно, что такое сотрудничество между церковью и государством обеспечивает более гармоничное развитие современного немецкого общества. В целом, оба государства достаточно сложны по структуре государственно-церковных отношений и имеют большое количество особенностей, изложенных выше. Мы можем проследить прямое влияние данных систем на общество, что является важным фактором в формировании путей развития государства и его дальнейшей истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument

2. Шахов М.О. Объединения религиозного характера в современной Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sdsmp.ru/news/n3456/

3. Потанина С. В. Некоторые аспекты взаимоотношений государства и религии за рубежом / С.В. Потанина // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 105.

4. Праздники Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.calend.ru/holidays/france/

5. Праздники Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.calend.ru/holidays/germany/

XV Всероссийская научно-техническая конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь»

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВ ДЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ГОДЫ ВТОРОЙ-ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТОК (1935 – июнь 1940 г.г.)

Бякина О.Л. – начальник отдела мониторинга, аспирант
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

Одним из итогов реконструкции сельского хозяйства в годы второй-третьей пятилеток было создание новых колхозных кадров. Создание квалифицированных руководящих, инженерно-технических и механизаторских кадров, в свою очередь, было связано с большими трудностями: оно осуществлялось уже в ходе массовой коллективизации и технической реконструкции сельского хозяйства, то есть в самом процессе объединения мелких единоличных крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства и процессе внедрения и освоения новой техники. Государство осуществляло все основные финансовые и организационные мероприятия по подготовке квалифицированных колхозных кадров и специалистов сельского хозяйства. Так, в 1936 г. на эти расходы было направлено 288 млн. рублей, а в 1939 г. на подготовку квалифицированных кадров сельского хозяйства государство ассигновало свыше 300 млн. рублей [1].

Большую помощь в укреплении колхозов кадрами оказали промышленные районы страны, направляя в колхозы края многих специалистов. Но основное пополнение колхозных кадров готовилось непосредственно на месте.

Подготовка колхозных кадров в Алтайском крае осуществлялась через сеть разнообразных сельскохозяйственных учебных заведений, курсов и представляла собой определенную систему. К 1938 году в нее входили 5 сельхозтехникумов, 57 годичных районных колхозных школ, 3 годичные школы агротехников, 4 школы повышения квалификации колхозных работников, всевозможные курсы и школы массового обучения колхозного актива непосредственно в колхозах.

Однако существовавшие сельскохозяйственные учебные заведения, многочисленные курсы не могли полностью удовлетворить потребностей в подготовке колхозных кадров как в количественном, так и в качественном отношении. Некоторые из них не имели соответствующих учебных помещений, необходимой материально-технической базы, ряд школ и курсов не был полностью укомплектован квалифицированными преподавательскими кадрами. Вследствие этого качество учебно-воспитательной работы не всегда было достаточно высоким.

Следует отметить, что краевой комитет партии и местные органы власти принимали меры по улучшению материальной базы и повышению качества подготовки работников сельского хозяйства в техникумах, в школах и т.п. На бюро крайкома партии и на заседаниях оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Алтайскому краю неоднократно рассматривались вопросы о мероприятиях по улучшению работы Барнаульского сельхозтехникума, Бийской школы агротехников, Горно-Колыванской школы техников-животноводов и др [2].

Вместе с тем в подготовке колхозных кадров, особенно среднего звена, большую роль играли и сами колхозы. Районные колхозные школы (РКШ), готовившие председателей колхозов, бригадиров, заведующих фермами, механизаторов, финансировались за счет колхозов и частично за счет дотации из местного бюджета. Так, в 1934 году в Рубцовске была организована РКШ. За 3 года школа подготовила свыше 1000 колхозных работников (животноводов, бригадиров, председателей колхозов, счетоводов). Газета «Алтайская правда» пишет: «Подавляющее большинство бывших курсантов рубцовской РКШ работает по своим квалификациям и пользуется большим авторитетом среди колхозников… Наиболее способные курсанты посланы в Высшую сельскохозяйственную коммунистическую школу» [3].

Разумеется, что большие расходы по содержанию учащихся, оплате преподавателей, административного состава и т. д. были возможны далеко не для всех колхозов. Не имея

устойчивой материальной базы, районные колхозные школы испытывали затруднения, что, безусловно, отражалось на качестве подготовки кадров.

Тем не менее районные колхозные школы выполнили свою задачу, подготовили необходимое количество колхозных кадров, когда в них испытывался особенно острый недостаток. В августе 1939 года Оргкомитет Президиума Верховного Совета РСФСР принял решение о реорганизации районных колхозных школ (РКШ).

Потребности дальнейшего развития колхозного производства и творческая деятельность самих колхозников вызвали к жизни новую форму учебы — школы всестороннего развития колхозного производства. Инициатором создания школ всестороннего развития колхозного производства была Бобровская изба-читальня Шипуновского района. Душой этого дела стал заведующий избой-читальней Петр Мелентьев. В 1940 году он побывал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Обогащенный увиденным в Москве, Мелентьев собрал актив избы-читальни, обсудил с ними вопрос о том, что может сделать изба-читальня для передачи опыта ВСХВ, отсюда родилась идея создания при избе-читальне школы всестороннего развития колхозного производства. Совет разработал учебный план школы на осенне-зимний период 1940-1941 года, которым предусматривалось изучение ефремовской агротехники зерновых, опыта передовиков животноводства, агротехники свеклы и подсолнечника, бахчевых культур и овощей, опыта сибирского садоводства. Опыт бобровцев был широко распространен среди колхозов и районов края [2].

Бобровское движение имело значение не только в пропаганде специальных сельскохозяйственных знаний. Избы-читальни осуществляли разностороннюю деятельность по коммунистическому воспитанию колхозников, тесно увязывая свою работу с производственными задачами колхозов. Оценивая результаты деятельности Бобровской избы-читальни, бюро крайкома партии отмечало изменение отношения колхозников к колхозному производству: оно стало более добросовестным и эффективным. Бобровское движение способствовало общему подъему культурно-просветительной работы на селе.

Насыщение сельского хозяйства техникой требовало большого количества механиков, трактористов, комбайнеров. Подготовка этих кадров осуществлялась через школы механизаторов (со сроком обучения 6 мес.), курсы при МТС (со сроком обучения 4 мес.), а часто обучение проходило без отрыва от производства. С 1938 по 1940 г.г. через все виды обучения было подготовлено 13058 механизаторов [4].

Учитывая, что к середине третьей пятилетки в мире и стране складывалась напряженная предвоенная обстановка, большое значение уделялось подготовке механизаторов из числа девушек. В 1940 году по инициативе крайкома комсомола было организовано соцсоревнование сельских комсомольских организаций по подготовке 5000 девушек-механизаторов [5]. В основном эти обязательства были выполнены, в целом по краю было подготовлено 4769 девушек для работы на тракторах и других сельскохозяйственных машинах [6].

Таким образом, благодаря поддержке государством разветвленной сети учебных заведений и инициативе самих колхозников за достаточно короткий срок в крае было выдвинуто много талантливых организаторов, мастеров всех отраслей сельскохозяйственного производства. С 1935 по 1938 год было подготовлено и переподготовлено 2812 председателей колхозов, 8000 бригадиров полеводческих бригад, 5614 счетоводов[2]. Эти руководители вместе с механизаторскими кадрами и работниками, не прошедшими специальной подготовки, сыграли важную роль в подъеме сельского хозяйства Алтайского края.

Особое внимание краевая партийная организация уделяла укреплению состава председателей колхозов – главных организаторов колхозного производства. На эти должности были подобраны передовые люди из числа колхозного актива, а также направлены партийные и советские работники из других регионов, так называемые

«двадцатипятитысячники». К лету 1938 года на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу в сельских районах было подобрано 1700 человек [7].

Особенно большая работа по подбору и выдвижению руководящих колхозных кадров развернулась после XVIII съезда ВКП(б), прошедшего в марте 1939 г. Съезд потребовал от партийных, советских и сельскохозяйственных органов коренным образом перестроить работу по подбору, выдвижению и воспитанию руководящих кадров. Выполняя эти решения, краевая партийная организация выдвинула 2094 руководящих работника для деревни, значительная часть из которых была направлена на хозяйственную работу [8].

За год, истекший после съезда, на должность председателей колхозов было выдвинуто 983 человека. Так, Солонешенская районная партийная организация подобрала на руководящую колхозную работу 31 человека из передовиков сельского хозяйства, Шипуновский райком партии направил на работу в колхозы 28 коммунистов из районного партийного и советского актива [4]. Партийная организация Топчихинского района заменила многих председателей, не имевших достаточного опыта практической работы и нужных знаний, более квалифицированными работниками: из числа актива райкомом партии были рекомендованы на должности председателей колхозов 23 коммуниста. В Белоглазовском районе в течение 1938 и в первой половине 1939 года на колхозную, партийную и советскую работу было выдвинуто 43 человека [2].

Однако в подборе и воспитании руководящих колхозных кадров имели место крупные недостатки. Приток на руководящую работу новых людей требовал от партийных организаций усиления работы с ними. Но некоторые местные партийные и советские органы зачастую удовлетворялись количественным ростом кадров, мало заботясь о повышении их деловых качеств как руководителей. В результате многие руководители фактически не справлялись с руководством колхозами. Кроме того, отдельными райкомами и райисполкомами часто использовалась стратегия смены председателей колхозов, перемещения их из колхоза в колхоз, чрезмерно частых и не всегда обоснованных партийных и административных взысканий. В газете «Алтайская правда» за 1937-1939 г.г. можно встретить огромное количество статей, в которых руководящие колхозные работники, в первую очередь председатели колхозов, обвиняются в срывах планов посева зерновых, хлебозаготовок, хлебосдачи и т.п. Вследствие этого немалая часть колхозных руководителей подвергалась репрессиям, часто необоснованным. Все это влекло за собой большую текучесть кадров. Так, в Рубцовском районе в 1938 году из 77 председателей колхозов было заменено по разным причинам 27, а в 1939 году — 26 председателей. В Родинском районе за один год из 73 председателей было заменено 48. В целом же по краю в течение 1939 года было заменено 2053 председателя колхоза, почти половина от их общего числа (4596 чел.). Из числа бригадиров полеводческих бригад 46% работало в этой должности меньше года [9].

Одной из важных причин, обусловливавшей большую текучесть руководящих колхозных кадров, являлось также нарушение принципа их материальной заинтересованности. Зарплата председателей колхозов была низкой, часто даже ниже, чем оплата труда рядовых колхозников. Ясно, что несоответствие в оплате труда не могло стимулировать работу руководящих кадров колхозов, и, соответственно, ослабляло руководство колхозным производством, наносило большой вред организационно-хозяйственному укреплению колхозов, приводило к снижению производительности труда.

В ноябре 1940 года Краевой комитет партии обсудил вопрос «О мерах ликвидации текучести кадров председателей колхозов и повышении их идейно-политического и агротехнического уровня». В принятом решении подверглась критике практика частой смены руководителей колхозов, районным органам было запрещено снимать и перемещать председателей колхозов без соответствующего решения краевого комитета партии, правлениям колхозов запрещалось снимать и перемещать бригадиров полеводческих бригад и заведующих фермами без разрешения районных органов. Крайком потребовал также

тщательного подхода к подбору и выдвижению председателей колхозов с учетом их политических и деловых качеств.

Еще одним важным мероприятием по укреплению кадров председателей колхозов явилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 апреля 1940 г. № 571 «Об оплате председателей колхозов в восточных районах СССР». Само название этого постановления говорит о том, что кадрам председателей колхозов восточных районов страны придавалось немалое значение. Колхозам было предоставлено право начислять председателям трудодни за каждый месяц работы в зависимости от посевной площади, выдавать им ежемесячно денежную доплату в зависимости от общей суммы денежного дохода, начислять дополнительные трудодни с учетом стажа работы [10]. Партийным и хозяйственным руководителям крайком рекомендовал строго следить за соблюдением принципа материальной заинтересованности при оплате труда председателей колхозов.

В целях повышения идейно-политического и агротехнического уровня председателей колхозов крайком предложил в зимний период 1940—41 гг. при каждой МТС организовать постоянно действующие курсы и семинары по изучению важнейших решений партии и правительства о сельском хозяйстве, Устава сельскохозяйственной артели, ефремовской агротехники, организации и нормирования труда, учета и отчетности в колхозах, организации и экономики колхозного производства, вопросов текущей политики.

В годовых планах агромероприятий бюро Алтайского Краевого комитета ВКП(б) начиная с 1937 г. одним из важных пунктов значилось проведение в районах курсов и семинаров для обучения руководителей ефремовских звеньев, бригадиров, председателей колхозов. Горно-Алтайский обком партии зимой 1940—41 года организовал учебу руководящих кадров колхозов: в сельскохозяйственной школе было обучено 508 человек, из них 239 председателей колхозов. Постоянно действующие семинары председателей артелей работали в Карасукском, Змеиногорском и в других районах края. Местные партийные организации стали глубже вникать в деятельность колхозов, оказывать практическую помощь их руководителям. В результате проведенных мероприятий текучесть руководящих кадров колхозов к концу 1940 года по сравнению с 1939 годом сократилась почти в полтора раза [11].

Таким образом, в результате большой работы по подготовке и укреплению руководящих колхозных кадров в Алтайском крае за годы второй-третьей пятилеток был сделан огромный шаг вперед как в количественном, так и в качественном их росте. Была сформирована огромная армия специалистов, выращенных колхозным строем.

Список литературы:

1. М.А. Вылцман, М.П. Ким. Культурное строительство в советской деревне (1933-1940 гг.) // Вопросы истории, № 5, май, 1966, С. 15-26
2. Алтайский край накануне Великой Отечественной войны (1937–июнь 1941 гг.) / под ред. В.Г. Казакова. – Мурманск, 1968.–151 с.
3. Алтайская правда. 1937 г. 5 декабря, №44.
4. Партархив Алткрайкома КПСС, ф. 1, оп. 12, д. 634, л. 113.
5. Партархив Алткрайкома КПСС, ф. 1, оп.12, д. 636, л. 237.
6. Партархив Алткрайкома КПСС, ф. 1, оп. 12, д. 634, л. 131.
7. Партархив Алткрайкома КПСС, ф. 1, оп. 35, д. 1, л. 128.
8. Алтайская правда. 1940 г. 20. X 1. 40 г.)
9. Алтайская правда. 1940 г. 1 декабря, №279
10. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1939-1946 гг. – М, 1948. - 640 с.
11. Партархив Алткрайкома КПСС, ф. 1, оп. 12, д. 633, л. 58.

XV Всероссийская научно-техническая конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь»

ХРАМОВОЕ ЗОДЧЕСТВО НАГОРНОГО ПАРКА ГОРОДА БАРНАУЛА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Контев П.А., Контева О.Е.
Алтайский государственный медицинский университет, г. Барнаул
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул

В историко-культурном пространстве города Барнаула нагорный парк стоит наряду с такими памятными местами, как Демидовская площадь, Петропавловская улица и Соборная площадь. Парком это место именуется с 1930-х годов, а до этого времени в течение полутора столетий здесь размещалось нагорное кладбище. Решение об открытии кладбища было принято Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства в октябре 1772 года [1].

До этого времени горнозаводских служащих поселка Барнаульского завода хоронили близь Петропавловской церкви, которая находилась в центре заводского поселка. Необходимо отметить, что по православной традиции территория возле церкви, как правило, становилось местом захоронения. Зачастую, не храм строился на кладбище, а кладбище устраивалось вблизи приходского храма или монастыря. Да и в традиционном православном церковном обряде значительную часть занимает поминание или отпевание усопших. В архитектуре же данные традиции также довольно отчетливо прослеживаются, так как отсутствует, как таковая, «погребальная» архитектура.

Необходимость обустроить самостоятельное кладбище в Барнауле объяснялось ссылкой на указ Правительствующего Сената 24 декабря 1771 года в котором говорилось: «…о нехоронении умерших в городах при церквях, а об отводе для того особых кладбищ за городом на выгонных землях где способные, а при том… при кладбищах особых церквей строение в отводе тех мест и в построении оных церквей возымели сношение с духовными командами, от которых иногда при способных к кладбищам местах и прежде построеныя готовые церкви назначены быть могут» [2].

Выполняя указ Сената, Канцелярия горного начальства приняла решение перенести старую деревянную Петропавловскую церковь на место нового кладбища – «место по течении реки Барнаулки с правой стороны на высокой гриве» [3].

Планирование кладбища и изготовление чертежа церкви было поручено горному инженеру Ивану Черницыну. В рапорте Черницына от 11 июня 1774 г. сообщалось, что «нагорная кладбищенская церковь перенесена и валом обнесена». Она была деревянной клетской. Значительное преимущество деревянных построек заключается в том, что их можно разобрать и перенести на новое место без ущерба для самого строения. Церковь находилась в глубине кладбища и в плане повторяла Петропавловскую церковь, но не имела колокольни. В ансамбле же Петропавловского собора колокольня была отдельно стоящим сооружением, однако её не перенесли на нагорное кладбище.

В плане основной объём Ионна-Предтеченской церкви представлял собой прямоугольник со сторонами 8х13 м, с запада к нему примыкал квадратный сруб трапезной, с востока – пятистенная апсида. Трапезная завершалась двухскатной кровлей, собственно церковь – восьмигранным куполом на высоком карабине, апсида бочкой [4]. Изображения кладбищенской церкви XVIII века не сохранилось, однако по описанию структурных элементов её можно сравнить с постройками русского севера того периода, такими как церковь Успения Пресвятой Богородицы, которая была построена на берегу Онежского озера.

Рисунок 1 – Церковь Богородицы в Кондопоге Успения Пресвятой, построена в 1774 г. Общий вид

Наряду с описанием внешнего вида, в документах И. Черницына сохранилось и описание икон иконостаса кладбищенской церкви: «По правой стороне – Спасителя, Иоанна Предтечи, Андрея Первозванного, Трех Святителей. По левой стороне – Богоматери, Архангела Михаила, Захария и Елисаветы, Николая Чудотворца [5].

Второе строение Иоанно-Предтеченской церкви было построено по проекту архитектора Якова Николаевича Попова, творчеству которого принадлежит целый ряд памятников архитектуры Барнаула, такие как здания Демидовской площади. Новый кладбищенский храм был освещен в 1857 году. Это было каменное строение, план которого и архитектурное убранство отвечало популярному в то время стилю классицизм. Храм располагался на высоком фундаменте, «к входной двери верующие поднимались по ступеням к четырех колонному портику. Трехступенчатое, рвущееся вверх сооружение, завершалось остроконечным шпилем – европеизированное в классическом стиле стройное здание как бы венчало панораму города и было видно практически с любого местоположения…» [6].

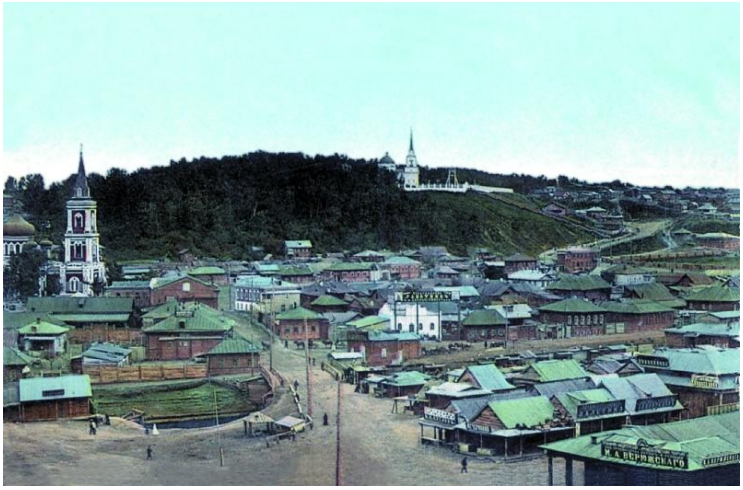

Рисунок 2 – Дореволюционный Барнаул. Фото Алтайского краеведческого музея

Рисунок 3 – Дореволюционный Барнаул. Фото Алтайского краеведческого музея

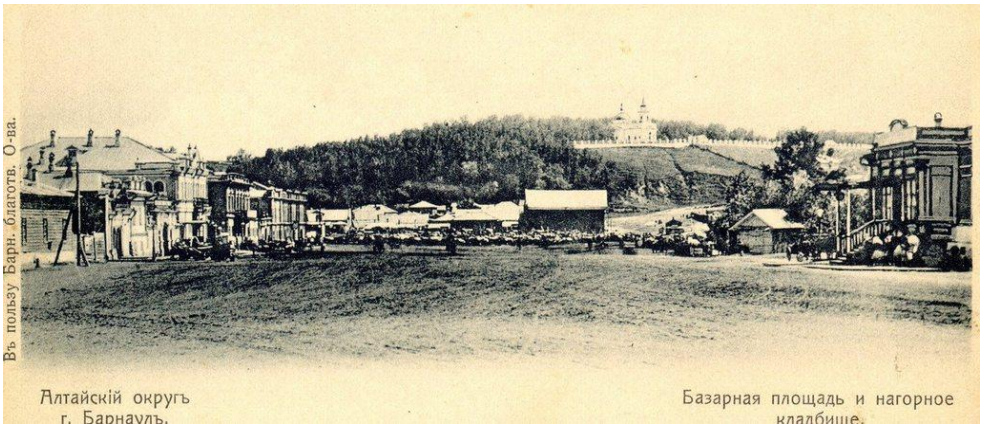

Рисунок 4 – Дореволюционный Барнаул. Фото Алтайского краеведческого музея

На кладбище при храме были захоронены выдающие барнаульцы: ученый и публицист Н.М. Ядренцев, горный офицер и талантливый изобретатель К.Д. Фролов, врач-исследователь Ф.В. Геблер, археолог Г.Л. Менье, начальник округа, один из основателей общества попечения о начальном образовании Н.И. Жирин и многие другие. Среди прочих, здесь был похоронен и управляющего Барнаульского завода Иван Черницын.

В XIX – начале XX века кладбищенский Иоанно-Предтеченского храма существовал без прихода и был приписан к Петро-Павловскому кафедральному собору. Свой приход у церкви появляется при советской власти, в 1920-е гг.

История Иоанно-Предтеченского храма в советское время повторяла историю почти всех барнаульских церквей. 22 мая 1931 г. президиум горсовета принял решение с 1 августа закрыть кладбища Нагорное. Фактически кладбище было закрыто 31 декабря того же года. Точная дата разрушения храма неизвестна, но на фотографии, датированной 12 июня 1936 г., видны руины церкви, значит, сравнительно недавно храм был разрушен.

Новый этап храмового зодчества в Барнауле, конец XX – начало XXI вв., связан с процессом восстановления русской православной церкви и передачей ей бывшего церковного имущества. За это время были отреставрированы или восстановлены старейшие барнаульские церкви, такие как Никольская, Знаменская, Покровский кафедральный собор.

В 2006 г. Православная церковь решила восстановить Иоанновский храм и даже установила крест. Но оказалось, что на краю, где ранее была каменная церковь, строить невозможно, поэтому решили построить на месте первой деревянной 1774 г.

Новое здание храма великолепно вписано в окружающее пространство. Имея естественное возвышение, он обозреваем издалека, позволяя всем любоваться гармонией природы и архитектуры.

Рисунок 5 – Храм Иоанна Предтечи. Общий вид.

В настоящий момент храм полностью достроен и функционирует. Что примечательно, храм Иоанна Предтечи выглядит роскошно и богато, несмотря на то, что является лишь кладбищенской церковью. Обычно на территории кладбища возводят небольшую церковь, или даже часовню. Но каменный храм Иоанна Предтечи по своей архитектуре очень напоминает Покровский собор, который в свою очередь является кафедральным собором.

Храм имеет трехчастную структуру: притвор, который венчает высокая колокольня, далее переход в основное пространство церкви и апсида с алтарной частью.

Рисунок 6 – Храм Иоанна Предтечи. Северный фасад.

Конструктивнее элементы нового храма: ступенчатое основание, кубический объем частей храма, четко очерченный антаблемент, двухскатная кровля, завершающаяся треугольным фронтоном, купол со световым фонарем – все отвечает стилю классицизм и свидетельствует о торжественности и стройности замысла архитектора. Пилястры и арочные окна, обрамленные архивольтами, гармонично дополняют классическую конструкцию храма. Исключением, пожалуй, является шатровая кровля колокольня, установленная на восьмигранный барабан, которая отсылает нас к традициям русского деревянного зодчества и шатровым храмам.

По композиции храм можно отнести к крестово-купольным. Как и в традиционных храмах такого типа, здесь мы видим квадратное пространство интерьера, которое венчает полусферический купол. Отличием является отсутствие опорных столпов, характерных элементов крестово-купольных храмов.

Рисунок 7 – Храм Иоанна Предтечи. Внутренний интерьер, иконостас.

На сегодняшний день интерьер храма Иоанна Предтечи еще не расписан, однако службы в нем ведутся регулярно.

В заключении хочется отметить, что за более двухсотлетнюю историю нагорного как кладбища, так и нагорного парка мы видим целый ряд неоднозначных решений, которые выносили городские власти. Однако жители Барнаула с большим уважением относятся к этому месту и к храму Иоанна Предтечи. Они с удовольствием выбирают нагорный парк как место для прогулок, общения и отдыха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Контев П.А. Нагорный парк Барнаула: с конца XVIII в. до наших дней //Труды молодых ученых. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун–та, 2015. – С. 197.

2. ПСЗ РИ. Т. XIX. № 13724. С. 409.

3. Кривоносов Я.Е., Скворцов Т.В. Православные храмы Барнаула (1751 – 2001 гг.). – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. – С. 67.

4. Контев П.А. Нагорный парк Барнаула: с конца XVIII в. до наших дней //Труды молодых ученых. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун–та, 2015. – С. 197.

5. ЦХАФ АК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 3.

6. Кривоносов Я.Е., Скворцов Т.В. Православные храмы Барнаула (1751 – 2001 гг.). – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. – С. 68–69.

МОБИЛИЗАЦИЯ ЛЮДСКИХ РЕЗЕРВОВ ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Коняев Р.В. – аспирант
Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

К началу Первой мировой войны в состав ОмВО входили Тобольская и Томская губернии, Акмолинская и Семипалатинская области. К 1911 г. население Томской и Тобольской губерний составляло 7 966 466 человек [11, С. 165]. К 1 января 1914 г. в пределах округа на учете состояло 166 207 рядовых запаса I и II разряда, 1 969 рядовых флота, 29 285 ратников, ранее проходивших службу в войсках [5, С. 24].

Острые геополитические противоречия между странами Антанты и Тройственного союза привели к войне. С 16 июля 1914 г., еще в период противостояния Австро-Венгрии и Сербии, и до предъявления последней ультиматума, в ОмВО было введено положение «О подготовительном к войне периоде» [6, С. 98]. По всей стране на важных объектах инфраструктуры была усилена охрана и паспортный контроль, начался ремонт мостов, железных и грунтовых дорог. В соответствии с указом от 18 июля 1914 г. «О призыве нижних чинов запаса армии и флота в губерниях, областях и уездах Европейской и Азиатской России» в Западной Сибири началось мобилизационное развертывание войск [9, С. 44]. 22 июля 1914 г. в ОмВО было обьявлено о призыве ратников государственного ополчения 1-го разряда. Первый день мобилизации войск округа был назначен на 25 июля 1914 г. [7, С. 12, 13]. По всей стране всеобщая мобилизация началась с 31 июля 1914 г [1, С. 211]. 1 августа Германия обьявила войну России. Началась Первая мировая война.

Для оповещения населения о начале мобилизационной кампании, в населенных пунтах развешивали объявления о призыве тех или иных категорий мужского населения, с обязательным объявлением даты и места куда был обязан явиться призывник [2, Л. 14 об.]. Для четкой и слаженной работы по призыву на воинскую службу, губернаторы предупреждали о начале мобилизации начальника полиции и уездные по воинской повинности присутствия [3, Л. 1]. Для решения домашних дел призывникам давали 3-е суток, после чего они были обязаны явиться в определенные сборные пункты, либо непосредственно в воинские присутствия [4, Л. 1 об.]. При этом местные органы управления должны были оповещать призывников о начале мобилизации лично.

После обьявления всеобщей мобилизации, в течение июля-августа 1914 г. из ОмВО на фронт были направлены: 11-я Сибирская парковая артиллерийская бригада, 11-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада, 11-я Сибирская стрелковая парковая артиллерийская бригада, 1-я и 2-я отдельные Сибирские мортирные батареи, 1-я и 2-я отдельные Сибирские горные батареи [11, С. 183], 4-й Сибирский саперный батальон, 11-й Сибирский этапный батальон, 4-й и 5-й льготные Сибирские казачьи полки, 41, 42, 43-й и 44-й Сибирские стрелковые полки, четыре запасных госпиталя, два военно-санитарных поезда, два военно-санитарных транспорта, полевая почтовая контора, этапное почтово-телеграфное отделение и др. формирования [8, Л. 58 об.]. В сентябре в действующую армию убыли: штаб 14-й Сибирской стрелковой дивизии, 53, 54, 55-й и 56-й Сибирские стрелковые полки, 4-й отдельный Сибирский стрелковый полк, 2-я отдельная Сибирская саперная рота, 14-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада, 14-я Сибирская стрелковая парковая артиллерийская бригада и многие другие [8, Л. 62 об., 63].

За время первой всеобщей мобилизации июля-августа 1914 г. в армию убыло 250 000 сибиряков [12, С. 27]. Несмотря на некоторые эксцессы в ряде городов, явка военнообязанных на призывные пункты составила – 96%. Мобилизация людских ресурсов округа прошла в положенный срок от 6 до 20 дней [1, С. 205]. Учитывая особенности социально-экономического развития России можно отметить, что в целом, мобилизация русской армии прошла довольно быстро и эффективно. За июль-август 1914 г. был призван и направлен в действующую армию весь военно-обученный резерв страны. Следует отметить, что для военного командования факт исчерпания военно-обученного резерва не стал неожиданностью. Уже 31 июля 1914 г. начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба в секретном циркуляре проинформировал своих подчиненных о том, что уже с 1 октября необходимо провести призыв новобранцев, не служивших в армии [5, С. 31].

После всеобщей мобилизации лета 1914 г. страна пережила еще целый ряд мобилизационных наборов новобранцев. В 1914 г. было произведено в общей сложности 4 набора в армию, в 1915 г. – 6, в 1916 г. – 6 [10, С. 4]. До марта 1917 г. в стране было проведено еще 2 мобилизационных набора [12, С. 48]. По мимо всероссийских призывов новобранцев, во многих военных округах в годы Первой мировой войны проводилось

множество частичных мобилизаций новобранцев и ратников государственного ополчения [1, С. 220]. За вторую половину 1914 г. в стране было мобилизовано 5 115 000 чел. За трудный для русской армии 1915 г. в стране было призвано 5 010 000 чел. В 1916 г. действующие войска пополнились 2 745 000 чел. В 1917 г. до марта было призвано 630 000 чел. Всего за 3,5 года войны было мобилизовано около 14 375 000 чел., а с учетом того, что на начало Первой мировой войны в русской армии под ружьем находилось 1 423 000 чел. можно отметить, что в общей сложности через русскую армию в годы войны прошло 15 798 000 человек. [10, С. 4]. При этом в Западной Сибири в течение 1914 г. было мобилизовано 250 000 чел. В 1915 г. – 400 000 человек. За весь 1916 г. ОмВО дал фронту еще более 250 000 чел. [7, С. 41, 62, 85]. Всего за годы Первой мировой войны более миллиона сибиряков было призвано в армию. На долю Западной Сибири пришлось наибольшее количество призывников. Только в Томской и Тобольской губерниях в годы Первой мировой войны было мобилизовано 600 000 и 243 300 человек соответственно [13, С. 111]. На основании этого можно утверждать, что ОмВО дал фронту, не менее 850 000 – 900 000 чел. из общей массы призванных сибиряков в 1 100 000 человек.

Таким образом, можно отметить, что мобилизация людских ресурсов ОмВО проходило слаженно и организовано. За весь периоды Первой мировой войны Западная Сибирь дала фронту по меньшей мере 850 000 – 900 000 человек, чем внесла существенный вклад в оборону России в годы войны.

Список литературы

1. Безугольный А.Ю. История военно-окружной системы в России. 1862-1918 гг. / А. Ю. Безугольный, Н. Ф. Ковалевский, В. Е. Ковалев. – М. : ЛитРес, 2012. - 298 с.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 65. Оп. 1. Д. 23.
3. ГААК. Ф. Д-182. Оп. 1. Д. 17.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-62. Оп. 1. Д. 321.
5. Горелов Ю.П. Мобилизация людских ресурсов Омского военного округа в 1914 г. // Материалы научно-практической конференции «Алтай и Первая мировая война». / Ю.П. Горелов, Н.Д. Ростов, И.А. Еремин. – Барнаул. : Алт. дом печати. 2014. С. 24-34.
6. Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) / И. А. Еремин. - Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005 (ООО Полиграфсервис). – 276 с.
7. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. /Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. – Барнаул: ОАО «Алтайский Дом печати», 2014. – Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. – 238 с.
8. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 54. Оп. 2. Д. 17.
9. Оськин М.В. Первая мировая война / М.В. Оськин. – М. : Вече. 2010. – 368 с. – (Россия в великих войнах).
10. Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). – М. : Типография им. Ф.Я. Лаврова. 1925. – 103 с.
11. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865-1917) / В.А Копылов, В.П. Милюхин, Ю.А. Фабрика. – Новосибирск., 1995. – 266 с.
12. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914-1918 гг. и Сибирь /отв. Ред. В.П. Зиновьев. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 330 с.
13. Шишкина С.Ю. Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (1914 - февраль 1917 гг.): Дисс. … кандидата исторических наук: 07.00.02. Тюмень. 1999. – 261 с.

МЕСТНЫЕ ВОЙСКА ИРКУТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА 1884 -1899 ГГ.

Кузнецов М.Ю. - аспирант
Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

Статья посвящена особенности организации управления Местными войсками Иркутского военного округа. Рассматриваются этапы развития управления Местными войсками в период с 1884 по 1899 гг.

Местные войска Российской империи ведут свою историю с 1811 года. Они были созданы как Внутренняя стража. С 1816 года из подразделений Внутренней стражи формируется Отдельный корпус Внутренней стражи. В 1864 году в ходе военной реформы происходит формирование военных округов и упразднение, а затем и ликвидация (к 1 января 1865 г.) Отдельного корпуса Внутренней стражи. Подразделения Внутренней стражи постепенно трансформировались в части местных войск и заняли своё необходимое место.

Летом 1884 года Приказом по военному ведомству Восточно-Сибирский военный округ упразднён и образованы Приамурский и Иркутский военные округа [4]. В состав Иркутского военного округа вошли Иркутская и Енисейская губерния и Якутской область [2]. Штаб военного округа находился в городе Иркутск.

Иркутский округ был внутренним округом и кроме местных войск при создании военного округа других крупных подразделений не было. Общее руководство местными войсками осуществлял Начальник штаба Иркутского военного округа.

Губернские Воинские Начальники Иркутской и Енисейской губернии с подчиненными им подразделениями, вошли в состав нового Иркутского военного округа. Реформирование местных войск в структуре нового округа прошло довольно гладко, без больших проблем, так как для этой цели не пришлось реорганизовывать и формировать новые подразделения. Организационно-штатная структура и задачи подразделений остались прежними.

Управление местными войсками осуществлялось как и прежде Губернскими воинскими начальниками Иркутской и Енисейской губерний и их управлениями.

В состав местных войск входили:

Резервные (пехотные) батальоны Иркутский и Красноярский;

Местные команды: Ачинская, Енисейская, Минусинская, Канская, Нижнеудинская, Киренская, Александровская, Балаганская и Якутская;

Конвойные команды: Красноярская, Ачинская, Козульская, Мало-кемчукская, Кускунская, Уярская, Ключевская, Канская, Мало-Ингашская, Ключинская, Бирюсинская, Разгонная, Алгашедская, Уковская, Нижнеудинская, Худоеланская, Курзанская, Шарагульская, Куйтунская, Кимельтейская, Тыретьская, Кутуликская, Половинная, Лиственичная, Иркутская, Суховская;

Иркутская дисциплинарная рота;

Конные казачьи сотни Иркутская и Красноярская [8].

В 1885 году было решено выделить из местных войск конвойные части и объединить их в отдельное формирование. Предстояло серьезно подготовиться к организации перевозок арестантов по Сибирской железной дороге, строительство которой шло быстрыми темпами [12].

Для реализации этой идеи 20 января 1886 г. Государственный совет Российской империи постановил в течение 1886 года сформировать «Конвойную стражу».

Конвойная стража была создана как самостоятельная структурная часть местных войск для выполнения сугубо определенных задач. В приказе по военному ведомству от 16 мая 1886 года определено: *«На обязанности конвойной стражи возложить: сопровождение арестантов всех категорий, пересылаемых этапным порядком по трактам европейской России (за исключением Финляндии и Кавказа) и Главному ссыльному Сибирскому тракту; сопровождение арестантов в пределах населенных пунктов в административные и*

судебные учреждения в случаях, законом предусмотренных; сопровождение арестантов гражданского ведомства на внешние работы и в присутственные места; содействие тюремному начальству при производстве внезапных обысков и подавлении беспорядков в местах заключения; наружную охрану тюрем там, где это будет признано необходимым...» [5].

Указом Александра III от 4 ноября 1886 года утвержден новый порядок комплектования и форма обмундирования чинов конвойных команд [3].

Приказом по военному ведомству от 24-го марта 1889 г. определено положение об изменении устройства местных войск в управлениях Омского и Иркутского военных округов:

«- образовать в Иркутском военном округе район 27-й местной бригады из губернии Иркутской и Енисейской и Якутской области, возложив обязанности начальника этой бригады на начальника окружного штаба Иркутского военного округа и сосредоточив делопроизводство по управлению бригадой в окружном штабе;

- учредить в Иркутской и Енисейской губерниях должности уездных воинских начальников: Иркутского среднего разряда, Нижнеудинского, Красноярского, Ачанского и Киренского – низшего разряда, с соответствующими управлениями. Помянутым уездным воинским начальникам подчинить местные и конвойные команды, расположенные в районе действий управлений их Начальников, определив круг деятельности этих управлений. Обязанности уездного воинского начальника в Якутской области по учету запасных нижних чинов возложить на Начальника Якутской местной команды.

Упразднить должность Иркутского губернского воинского Начальника, с его управлением, выделив состоящего в семь управлений аудитора, а также и аудитора упраздненного управления Енисейского губернского воинского Начальника, должность которых переместить в штат Иркутского и Красноярского резервных кадровых батальонов, по одной в каждом батальоне».

Этим же приказом по Военному ведомству произошло и распределение местных и конвойных команд и учреждении, расположенных в Иркутской и Енисейской губерниях среди уездных воинских Начальников Иркутского военного округа:

«1) Управление Иркутского уездного воинского Начальника:

- местные команды: Александровская, Балаганская;

- конвойные команды: Суховская, Иркутская, Листвяничная, Тырецкая, Кутуликская, Половинная;

- Иркутская дисциплинарная рота;

- Иркутский военный госпиталь.

2) Управление Киренского уездного воинского Начальника:

- местные команды: Киренская.

3) Управлении Нижнеудинского уездного воинского Начальника:

- местные команды: Нижнеудинская, Канская;

- конвойные команды: Бирюсинская, Разгонная, Алгашедская, Уковкая, Нижнеудинская, Худосланская, Курзанская, Шерагульская, Куйтунская, Кимельтейская, Ключевская, Каннская, Малоингашевская, Ключинская;

- местные лазареты: Нижнеудинский, Канский.

4) Управление Красноярского уездного воинского Начальника:

- местная команда: Енисейская;

- конвойные команды: Малокемчугская, Красноярская, Кускунская, Уярская;

- Красноярский местный лазарет.

5) Управление Ачинского уездного воинского Начальника:

- местные команды: Ачинская, Минусинская;

- конвойные команды: Ачинская, Козульская» [6].

В состав 27 местной бригады в 1889 - 1895 гг. входило два резервных пехотных (кадровых) батальона (Иркутский и Красноярский) и две казачьи конные сотни (Иркутская и Красноярская) с непосредственным подчинением начальнику бригады.

В 1895 году 27 местная бригада была реорганизована и переименована в Иркутскую, с упразднением нумерации.

«Учредить Управление Иркутской местной бригады, по штату управления Омской местной бригады, подчинив начальнику сей бригады, на правах начальника дивизии, расположенные в губерниях Енисейской и Иркутской и Якутской области Красноярский и Иркутский резервные пехотные батальоны, местные и конвойные команды, Иркутскую дисциплинарную роту и находящиеся в пределах бригады казачьи части, управления воинских начальников и местные лазареты» [10].

Управление бригады имело в своей штатной структуре части: а) мобилизационную; б) строевую; в) хозяйственную; г) судную; д) казачью.

В ведение Управления бригады входили вопросы мобилизации и комплектования войск. Назначение, переводы и увольнение со службы офицеров и военных чиновников. Учет запасных подразделений и формирование резервных и запасных частей. Руководство осуществлял начальник бригады, помощь оказывали штаб-офицер для поручений и старшие адъютанты [11].

После ввода в строй Транссибирской магистрали, упростившей задачу конвоирования заключённых, в 1897 году 5 конвойных команд были упразднены, а к моменту ликвидации округа в 1899 году, их осталось всего 8 [9].

Иркутский военный округ упразднён, приказ по военному ведомству был отдан 18 июня 1899 г., территория и войска вошли в состав Сибирского военного округа [7].

Командованию нового округа были подчинены все имевшиеся в округе войска. Однако войска, располагавшиеся на территории бывшего Иркутского военного округа, решили подчинить не напрямую Омску, что в условиях больших расстояний и отсутствия должного уровня военно-транспортной инфраструктуры неизбежно затруднило бы управления ими, а через посредство Иркутской местной бригады [1].

Список литературы:

1. Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899-1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал 2014. № 7 С.15-21
2. Авилов Р.С. Иркутский военный округ (1884-1899, 1906-1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал 2014. № 12 С.26-32
3. Полное собрание свода законов Российской империи. Собр. третье (ПСЗРИ III) Т. VI. № 3989.
4. Приказ по военному ведомству № 215 от 14 июля 1884 г.; приказ по войскам Восточно-Сибирского военного округа № 145 от 17 августа 1884 г.
5. Приказ по военному ведомству № 110 от 16 мая 1886 г.
6. Приказ по военному ведомству № 143 от 24 марта 1889 г.
7. Приказ по военному ведомству № 161 от 18 июня 1899 г.
8. Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 декабря 1884 г. СПб., 1884.
9. Ращупкин Ю. М. Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск, 2003 С. 44.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.1468. Оп. 1. Д. 216. Л.5.
11. РГВИА. Ф.1503. Оп. 1. Д. 2. Л.4.
12. Штутман С.М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811-1917 гг.).: Москва: Изд-во Газоил пресс, 2000. 360 с.

XV Всероссийская научно-техническая конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь»

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РОССИИ – ДАЛЬНИЙ ВОСТОК (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.): ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИЯХ С КИТАЕМ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Панченко И.А. – магистрант, Ростов Н.Д. - д.и.н, профессор кафедры КСОТ
Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Россия в конце XIX в. начала процесс активного освоения Дальнего Востока. Внимание Великой державы привлекал не только геополитический и экономически потенциал региона, но и нестабильность в приграничных государствах. Это потребовало развертывания железнодорожного строительства, с одной стороны для поддержания торгового оборота с Цинской империей, с другой для ужесточения контроля на приграничных территориях.

В 1891 г. императора Александр III издал Указ «О строительстве сплошной линии через всю Сибирь железной дороги». Транссибирская магистраль за Уралом должна была состоять из семи участков железных дорог, в том числе Уссурийской и Амурской. В 1897 г. начинается строительство Китайско-Восточной железной дороги, к 1899 г. в эксплуатацию уже были введены отдельные ее участки. Возле железных дорог начали появляться железнодорожные поселки, как новый тип поселения. Вовлечение в капиталистическое производство окраин государства, а также транспортировка грузов позволили увеличить темпы роста российской экономики. Объем отечественного промышленного производства с 1895 по 1900 гг. вырос на 161,2 млн. рублей, что на 40 % больше, чем за предыдущее пятилетие. [1] К примеру, торговый оборот в Бийском уезде Томской губернии с 1898 по 1900 гг. составлял около 2 млн. рублей. [6; 7] Для того что бы осуществлять торговую деятельность, бийским «предпринимателям» необходимо было получить билет для торговли на территории Монголии издаваемый на русском и китайском языках. Из правил, прилагаемых к билету следовало, что: «Товары, ввезенные в Монголию и Притяньшанские округа и там не распроданные, могут быть отправлены в г. Тянь-Цзань и Су- Чжоу, для продажи там или провоза далее в Китай.». [6]. В то же время военно-экономическое доминирование Англии в мире постепенно уменьшалось, относительный совокупный показатель которого с 1895-1900 гг. снизился с 29,6% до 20,5%. [4]

Китай к концу XIX в. стал притягательным полем противостояния экономически сильных государств. Его замкнутая и экстенсивная экономическая система, крупный аграрный сектор и отсутствие современной оборонной промышленности, осложнялись растущей бедностью среди населения, и дисперсией зависимости от опиатов в следствии опиумных войн с Британией (1839 – 1842 гг., 1856 – 1860 гг.). Ост-Индская компания, получившая в 1773 г. монополию на выращивание опиума в Бенгалии к 1830 г., поставила экспорт опиума из Бомбея в Китай под свой непосредственный контроль. В 1839 г. китайский император назначил Лин Цзе-Сена на пост имперского уполномоченного с заданием избавить Китай от ввоза опиума. Впервые против Британцев вводились силовые меры. В Кантоне опиум захватывался и уничтожался безо всяких компенсаций. Однако, англичане поставляли все больше опиума в Кантон. Ситуация усугубилась, когда пьяные английские моряки убили жителя Кантона из-за того, что Китай перестал поставлять еду и воду британским судам. Капитан Эллиот, который был представителем гражданской власти англичан в этом регионе, отказался выдавать моряков, чтобы их не судили по китайским законам. Итогом первой и второй Опиумных войн стало поражение Китая, тяжелым последствием последней из которых в 1858 г., стала легализация торговли и распространения опиума на внутреннем рынке Китая под давлением Британии. [2]

России было трудно управлять в этом отдаленном регионе. В пограничных отношениях имели место частые поборы с караванов и торговых обозов. В отчете откомандированных на

Китайскую границу полицейских стражников Бийского уезда Томской губернии в 1898 – 1899 гг. имеется донесение Бийскому уездному исправнику под № 118 от 7 января 1899 г., из текста которого следует: «Начальник Семипалатинского таможенного округа уведомил меня, что в пределах Кош-Агачской степи, несколько западнее Юстыдского прохода в верстах 10 в глубь нашего края – от пограничного знака, имеет пост китайский караул, состоящий из нескольких солдат и чиновников». [8] Из расспросов старшего чиновника задержанной на территории России караульной команды, усматривается, что он не может документально подкрепить свое присутствие в с. Ташанта. Начальник Юстыдской караульной команды обращает внимание на тот факт, что эти места караулы занимают уже 13 лет, и действуют с ведома кобдинского абманя. Так же из материалов донесения следует, что помимо данной караульной команды, через 10 верст кочует еще как минимум два таких же воинских формирования. О целях пребывания на территории китайских караульных команд в донесении имеется следующая информация: «Верстах в 15 от черты государственной границы в сравнительных глубоких пределах нашего края, караульные команды занимаются сборами с наших торговцев подарков и определенных сумм за - то, что позволяют им якобы, не заходить на караульный пост для визы паспортов.»[8] Из расспросов членов караульной команды следует что чины ежегодно посылаются в Ташанту для наблюдения за торговыми караванами в момент их наибольшей интенсивности – весной, осенью и зимой. И имеют полное право прибывать на этой территории, так как долина р. Тархата по мнению их властей находясь в пределах Монголии не может принадлежать России. [8]

К отчету, изложенному выше, прилагается прошение, из текста которого следует: «В следствие изложенного предлагаю Вашему Высокоблагородию дознать кем разрешено нахождение означенных караульных постов на русской территории и, если такого распоряжения никем не давалось, то распорядится удалить китайские караулы за черту нашей государственной границы. Ибо данный караул помимо поборов имея сношение с заграницей может является пособником контрабанды». [8]. В следствие ряда подобных случаев возрастала необходимость налаживания более прозрачных и регулируемых торговых контактов.

Россия в отношениях с Китаем развивала «мягкую линию», тем самым реализуя свои торговые и экономические интересы исключительно через сотрудничество с легитимными Китайскими властями. В 1895 г. для кредитования китайской экономики учреждается Русско – Китайский банк. В том же году Китай теряет Ляодунский полуостров из-за поражения в войне с Японией. В защиту суверенитета Китая выступила Россия и ее европейские «партнеры» Франция и Германия, предъявив Японии ультиматум, в следствии которого страна восходящего солнца отказалась от территориального приобретения. Сочтя такой акт за национальное унижение, японцы стали более тесно сотрудничать с Британией. О настроении политиков во время антияпонского демарша говорит содержание записки императора Николая II к министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому от 23 апреля 1895 г.: «Большая гора свалилась у меня с плеч по получении Вашей телеграммы о том, что Япония отказалась вовсе от Ляодунского полуострова» [4].

Для укрепления отношений в 1896 г. Россия инициирует подписание Российско – Китайского договора об обороне и союзе. Этим актом Россия в очередной раз подчеркивала открытость своей политики по отношению к Поднебесной и легитимность своего продвижения на Дальний Восток. Важным пунктом союзного договора являлось признание Японии агрессором. В случае нападения на территорию России, Китая или Кореи боевые действия должны осуществляться совместно. [5] Отныне, Россия могла противостоять своим дальневосточным соперникам – Англии и Японии, опираясь на поддержку со стороны Цинской империи. Уже в 1898 г. торжество русской дипломатии на востоке «отразилось» в заключении договора об аренде Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальнянем сроком на 25 лет. [4]

В поле взаимодействия Великих держав в Китае, постепенно нарастали противоречия. Лидеры этой гонки Англия и Россия часто вступали в ожесточенные споры из-за таких труднодоступных регионов как Афганистан, Кашгария и Тибет. Нарастало не только внешнее напряжение, но и сама концепция раздела Китая европейскими государствами привела к обострению положения внутри Поднебесной. Оппозиционная линия по вопросам внешней политики при Цинском дворе наиболее явно выразилась в 1900 г., вовремя «националистического» восстания Ихэтуаней. В Пекине с 23 по 24 июня начались нападения на христиан, названные «Варфоломеевской ночью в Пекине». Одновременно начинается «Пекинское сидение»: осада Посольского квартала и иностранных колоний. По инициативе германского кайзера Вильгельма II для подавления «китайского бунта» формируется альянс из ведущих государств Западной Европы с участием России. 17 июня объединенные силы коалиции берут штурмом форты Дагу. 13 июля после серии ожесточенных боев в руки союзников переходит Тяньзинь, крупнейший центр Северного Китая и по совместительству один из главных очагов восстания. Наконец, ночью 14 августа рекогносцировочный отряд русских войск подходит к стенам Пекина. В ходе нескольких сражений интервенты занимают город. [3]

Параллельно с военными действиями в Пекине развивались русско-китайские конфликты в Маньчжурии и Приамурье. Для России стратегической целью являлась защита Маньчжурии. За счет строительства КВЖД эта территория стала важный экономический центром северо-восточного Китая. В июле 1900 г. мятежники совместно с перешедшими на их сторону регулярными войсками полностью захватили строящуюся КВЖД. Осадив г. Харбин, они начинают артиллерийские обстрелы г. Благовещенска. Выполнив задачу по освобождению дипломатических миссий в Пекине, Россия переключает внимание на северо-восточную часть Поднебесной. К октябрю 1900 г. Маньчжурия была полностью освобождена российскими войсками. [3] Спор по территории Маньчжурии завершился подписанием 8 апреля 1902 г. соответствующих русско- китайских соглашений. [9]

В условиях сложных геополитических противоречий Россия, несмотря на локальные и приграничные противоречия с Цинской империей, старалась действовать и совершенствовать отношения между двумя государствами в мирном и открытом «ключе». Это подтверждает ряд достигнутых соглашений между Россией и Китаем. Втягивание Российского государства в начале XX столетия в вооруженный конфликт со своим важным экономическим и геополитическим партнером Китаем открыло путь к большой войне с Японией. Череда внешнеполитических успехов России на Дальнем Востоке не могла оставить равнодушными западных «партнеров». Каждый из них преследовал свои цели в Азии. Британия, теряющая первенство в колониальной и торговой политике явно не желала признавать успехов Россий на внешнеполитической арене, и искусственно обостряла возникшие между Китаем и Россией противоречия.

Список источников:

1. Вивдыч М.А. Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX века // Гуманитарный вектор. - 2011. - №№3 (27). – С. 40 – 44.
2. Петров Г.Ю. Опиумные войны и легализация наркопотребления в Китае нового времени // Историко - экономические исследования. - 2008. – № Т. 9. №2. – С. 140 – 150.
3. Попов А.Д. "Боксерское восстание" в Китае в восприятии сибирского простонародья (по материалам Томских и Иркутских газет) // Электронные журналы издательства notabene [Электронный ресурс] URL: http://e-notabene.ru/hr/article_20976.html
4. Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.) М., Благовещенск. 2003. – 199 с.
5. Панченко И.А., Демин М.А. Китай как территория столкновения геополитических интересов ведущих европейских государств за господство в Азиатско-Тихоокеанском регионе (конец XIX – начало XX вв.) // Молодежь - Барнаулу: материалы XVII - XIX

городской научно-практической конференции молодых ученых / гл. ред. Ю.В. Анохин. – Часть XIX. – Барнаул: Алт. унт-та, 2018. – С. 615 – 618.
6. Государственный архив Алтайского края (КГКУ ГААК) Ф.170.Оп.1. Д.85. Л.1. Там же: Л.27;33.Л.33-45.Л.56–197.
7. КГКУ ГААК Ф.170.Оп.1. Д.82.Л.15–105.
8. КГКУ ГААК Ф.170.Оп.1. Д.81.Л.153;153об.
9. Пекин, 26 марта/8 апреля 1902 г. Соглашение между Россией и Китаем о Маньчжурии // Проект "Исторические материалы". Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917) [Электронный ресурс]URL: istmat.info/node/27279

ПОСОБИЯ СЕМЬЯМ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ ПРИЗВАННЫХ НА ВОЙНУ 1914 ГОДА

Тейхреб Н.Я. – аспирант
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул)

Казенные пособия выдавались семьям всех нижних воинских чинов, как задержанных по случаю мобилизации сверх срока на действительной службе, так и призванных по мобилизации в качестве запасных, ополченцев или принятых охотниками, добровольцами или в военные дружины. Но не все члены семьи призванного имели одинаковое право на пособие.

Жены и дети нижних чинов имели по закону право на пособие во всех случаях, если только сами не отказывались, при этом не имело значения были ли у них собственные средства для жизни или нет. Стоит отметить что, отец, мать, дед, бабка, братья и сестры призванного нижнего чина могли получать пособие лишь тогда, когда они содержались до призыва на службу нижнего чина его трудом. Отчим, мачеха, неусыновленные приемные дети, сводные братья и сестры призванного совсем не имели права на помощь от казны. Так же, не получали пособие дети призванного которым было 17 лет и старше, если они были способны к труду, а также замужние дочери нижнего чина. Детям же моложе 5 лет пособие выдавалось в половинном размере. Казенные пособия выдавались только членам законной семьи. При этом от семей старообрядцев и сектантов не требовалось чтобы их браки были записаны в метрической книге, а достаточно было, чтобы волостное правление удостоверило что брак действительно существовал.

Семьи призванных на войну вольнонаемных служащих казенных учреждений не могли получать пособие в том случае, если им продолжали в полном объеме или частями выдавать, то жалование которое получал призванный. Семьи же, призванных на военную службу мастеровых, рабочих и низших служителей казенных фабрик, заводов и других предприятий получали общее пособие, хотя им и выдавалась определенная часть прежнего заработка их кормильца.

Так же стоит отметить что, согласно стт. 60, 61, 64 закона 25 июня 1912 года и стт. 866, 867, 870 св. з. т. III раздел 7, помощь, полученная семьей от частных лиц и учреждений ни в коем случае, не лишала семью права на казенное пособие и не уменьшало его в размере [1].

Пособие выдавалось деньгами. Губернское и Областное Присутствие назначало, сколько в каждой местности полагалось выдавать на человека в месяц. Паек этот определялся с таким расчетом чтобы на него можно было купить не менее чем 1 пуд 28 фунтов муки, 10 фунтов соли, и 1 фунт постного масла. Если цены на эти продукты сильно изменялись, то Присутствие могло увеличить или уменьшить паек [1].

Например, от Томского губернатора Дудинского было сделано объявление, что Общим Присутствием Томского Губернского Управления в заседании от 18-го ноября сего года, согласно ст. 65 закона от 25-го июня 1912 г, рассмотрен вопрос о стоимости казенного пайка семействам призванных по мобилизации нижних чинов запаса и ратников ополчения и

установлена на время с 1-го декабря 1915 года стоимость пайка для всех губерний в 2 рубля 60 копеек [2]. А на 1 июня 1916 года Томским Губернатором была объявлена стоимость пайка для всей губернии уже в 3 рубля 60 копеек, а для Макарьевского района Бийского уезда в 4 рубля 60 копеек. [3].

Размер пособия, получаемого семьей, напрямую зависел от того сколько членов семьи имело право на пособие, по их числу и выдавалось количество пайков. Семье призванного полагалось получать пособие с того дня как он отправился на службу, а если он находился на действительной службе еще до мобилизации, то со дня окончания назначенного ему для службы мирного времени срока. Переставали же выдавать семьям пособие с того дня, как сам призванный возвращался домой. Если же он был возвращен на родину по неспособности, погиб или пропал без вести, и ему или семье его полагалась постоянная пенсия, то в этом случае семье его прекращали выдавать пособие лишь после того как эта постоянная пенсия была назначена, но не позже года с того дня, как воинская часть в которой служил призванный, приведена на мирное положение или распущена (стт. 60 и 79 закона 25 июня 1912 года; стт. 866 и 885 св. зак. т. III разд. 7) [1]. Как и во все времена, а особенно в военное либо после военное время, особое внимание уделялось детям, которые остались без призора. Таким образом, если призванный по мобилизации вдовец, или не вдовец, но жена его не могла как нужно присматривать за детьми по причине болезни, увечья или постоянного отсутствия, то Волосное или Городское Присутствие должно было позаботиться о том, чтобы к оставшимся без призора малолетним детям, братьям и сестрам нижнего чина назначили опекуна или попечителя, или отдавали их старшим родственникам или постороннему надежному человеку или в местный приют, а затем выдавали эти лицам то пособие, которое этим детям назначалось согласно закона 25 июня 1912 года.

Согласно ст. 76 Закона 25 июня 1912 года требовалось выдавать казенное пособие призреваемым семействам в волостных правлениях. Точное выполнение этого требования, в виду обширности большинства сибирских волостей, поставило многие призреваемые семейства в крайне тяжелое положение. Особенно трудно было являться в волостные правления тем женам призванных, у которых в семействах не было других взрослых лиц. В связи с этим Томский Губернатор Дудинский счел необходимым тем призреваемым семействам, которые сами пожелали, производить выдачу пособия по месту их жительства [4].

Порядок выдачи пособия определялся таким образом, что после объявления мобилизации волостные сходы выбирали из постоянных жителей волости по желанию, как из крестьян, так и из других сословий, Волостные Попечительства. В некоторых городах действовали Городские Попечительства. И далее, Попечительства, а если их не выбирали, то Волостные Старшины и Городские Управы должны были точно обследовать и проверить сколько в их районе (местности) живет семейств призванных всех сословий и сколько в каждой семье человек имело право получать пособие. Назначалось пособие Уездными Попечительствами и в некоторых городах Общегородскими Попечительствами. (Первое время после мобилизации это делали Уездные Съезды). О начале раздачи пособий вывешивались особые объявления. На каждую семью, которой было назначено казенное пособие, выдавалась расчетная книжка, куда записывали, сколько в семье человек и кому полагалось пособие. Книжку эту получала жена солдата или старший в семье если ему выдавалось пособие. Каждый получающий пособие, старше 21 года, мог получить себе, если желал, отдельную расчетную книжку на свое имя. В селениях пособие выдавали в Волостных Правлениях в присутствии одного из членов попечительства каждые три месяца, а в городах – в Управах или городских попечительствах – каждый месяц, и все выдачи записывались в расчетную книжку. Если кого-нибудь неправильно не вписали и пособие не назначили, то обжаловать решение Волосного Попечительства, неправильно отказавшему в пособии, можно было через Земского Начальника в Уездное Попечительство. Если отказало

Городское попечительство, то жалобы можно было подавать прямо в Уездное Попечительство или в Общегородское Попечительство, если оно существовало.

Так же стоит отметить что, на постановления Уездных и Общегородских Попечительств можно было жаловаться в месячный срок с того дня, как оно было объявлено, в Губернское или Областное Присутствие. Решение же Присутствия было окончательным и обжалованию не подлежало [1].

Литература

1. Всероссийский Союз городов помощи больным и раненым воинам Пенсии т пособия нижним воинским чинам и их семействам: Москва городская типография 1914г.С. 18-20.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф.182 Оп.1 Д.159 Л.151
3. ГААК Ф.182 Оп.1 Д.159 Л.144
4. ГААК Ф.184 Оп. 1 Д.213 Л. 96

ПРИЗРЕНИЕ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ, ПРИЗВАННЫХ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Ширшов М.А. – аспирант
Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Русско-японская война 1904-1905 гг. стала серьёзным испытанием для населения Томской губернии. Мобилизация, объявленная высочайшим манифестом 2 февраля [9, С. 111], обескровила регион, был призван значительный процент трудоспособного мужского населения. Всего в 1904 г. в Томской губернии призвали на действительную военную службы 39 362 запасных нижних чина [6, С. 79], 16 586 ратников Государственного ополчения[8, С. 50-52], 7955 новобранцев [5, Л. 2]. Необходимо также отметить, что к началу войны на действительной службе находились воинские чины, призванные в Томской губернии с 1900 по 1903 гг., которые в большинстве своём проходили службу в частях и соединениях, дислоцировавшихся на территории Наместничества на Дальнем Востоке. Таким образом, численность военнослужащих, призванных в Томской губернии в годы русско-японской войны превосходила 80 000 человек. Подавляющее большинство из них относились к крестьянскому сословию. Так, в 1904 г. из 7955 новобранцев Томской губернии 7421 были крестьянами, 482 – мещанами, 21 – почётными гражданами, 1 – купцом, 9 – дворянами[5, Л. 227].

Актуальной проблемой для органов государственной власти Томской губернии стала организация социального обеспечения членов семей воинских чинов, призванных на действительную службу в годы войны.

Уставом о воинской повинности 1897 г. предусматривалось призрение семей воинских чинов призванных на действительную службу по мобилизации (со дня отправления на службу), задержанных по случаю мобилизации на действительной службе долее определённого для службы мирного времени срока (со дня окончания этого срока), принятых при мобилизации на действительную службу охотниками и добровольцами (со дня поступления на службу), поступивших на службу в Государственное ополчение (со дня отправления на службу), поступивших на службу в военные дружины, образованные по распоряжению военного начальства (со дня поступления в дружины). К членам семей относились жена и дети нижнего чина, а также отец, мать, дед, бабка, братья и сёстры нижнего чина, если они содержались трудом последнего. Денежное пособие или паёк на каждого члена семьи в месяц был равен 1 пуду 28 фунтам муки, 10 фунтам крупы, 4 фунтам

соли и 1 фунту постного масла. Детям в возрасте до 5 лет полагалась половина пособия. Стоимость пищевых продуктов, входящих в кормовую норму (паёк) определялась отдельно для каждой местности (уезду, округу, волости) губернским (областным) присутствием при участии управляющих Казённой и Контрольной Палатами[7, С. 91-93]. Размеры пособия г. Томске составлял 1,64 рубля в месяц[17]. В Алтайском округе пособие с начала войны составляло 1 рубль, а в марте 1905 г. оно было увеличено до 1,16 рубля[10, С. 183].

Необходимо отметить, что денежное пособие выдавалось только нуждающимся семьям. Для получения денежного пособия или пайка живущие в городе члены семей запасных воинских чинов заявляли об этом в Городскую управу или в полицейское управление, в сельской местности волостному старшине. Полицейское управление и волостные старшины подшивали заявления в книгу и передавали сведения не позднее 3-х дней со дня обращения в Городскую управу с приложением своих удостоверений об имущественном положении заявителей. В 7-дневный срок Городская управа давала распоряжение о выплате пособия заявителю [32]. Отсутствие чёткого определения – какие семьи причислять к нуждающимся, вело к злоупотреблениям на местах, особенно в отделённых местностях и не эффективному распределению денежных средств. В Косихинской волости Барнаульского уезда пособие не выдавалось тем, кому было положено, должностные лица брали с «солдаток» взятки за указание сведений об имуществе, которые позволяли получить пособие. Также у некоторых из пособия старостами были вычтены подати, а те, кто продал скотину для покупки хлеба, вообще пособия не получили [22].

Призванные на действительную военную службу государственные гражданские служащие в соответствии с п. 2 ст. 32 Устава о воинской повинности 1897 г. не получали денежного продовольственного пособия, но сохраняли за собой на время состояния в войсках всё присвоенное им по гражданским должностям содержание, причём пользующиеся казёнными квартирами удерживают занимаемые ими помещения [35]. Так, общество ремесленников г. Томска выплачивало семьям членов общества, призванных на действительную службу по 3 рубля 8 копеек в месяц [15].

Семьи военнослужащих, не имеющие собственного жилья, обеспечивались либо пригодным жилым помещением, либо получали денежное пособие для найма помещения с отоплением. В г. Томске пособие составляло 1,5 рубля на мать и по 50 копеек на каждого ребёнка[18]. К 13 марта 1904 г. было выдано 982 рублей 50 копеек квартирных денег 437 лицам, в ноябре 1904 г. – 2708 рублей 765 семьям [3, Л. 7; 4, Л. 123], а в ноябре 1905 г. 1925 рублей 804 семьям [27, 28].

Необходимо отметить, что государство, стремясь ограничить финансовые затраты, связанные с социальным обеспечением, разделило ответственность за призрение семей запасных воинских чинов с обществом. Так, отапливаемое помещение или взамен него пособие предоставлялось городом или селением, в котором проживает семья, а продовольственный денежный паёк выдавался из средств уездных распорядительных комитетов. Главным источником пополнения этих средств были добровольные отчисления из заработной платы государственных и частных служащих, а также взносы частных лиц [2]. Служащие винной монополии, поземельноустроительного отряда Томской губернии и Томской городской управы, педагогический персонал Томского духовного училища отчисляли 1% ежемесячного жалования [25, 23, 33, 34]. Большую роль в изыскании денежных средств на призрение семей запасных нижних чинов сыграла Городская дума, только 2 февраля 1904 г. она выделила 3 000 рублей [23].

Для организации социальной защиты наименее защищённых членов семей запасных воинских чинов в уездах и волостях губернии были созданы комитеты по оказанию помощи семействам запасных нижних чинов. В их состав входили волостные старшины, уездные священники, крестьянские начальники, врачи, становые приставы, исправники и другие должностные лица [1]. В г. Томске комитет был создан 5 февраля 1904 г. под председательством супруги городского главы Е.А. Макушиной, город был разделён на 10

участков, каждый из них имел своего представителя в комитете [25]. В г. Барнауле комитет работал под председательством генерал-майора Ф.Г. Ризенкампфа в составе пяти гласных членов городской думы [29].

Комитеты изучали семьи запасных нижних чинов по следующим параметрам: должность или вид деятельности воинского чина до мобилизации, величина его заработка, остаётся ли семье его доход или часть дохода после убытия воинского чина в действующую армию, состав семьи запасного воинского чина, место жительства семьи (количество комнат, отопление), наличие скота в семье, сведения о нужде заявленные семьёй после убытия в армию запасного воинского чина, сведения об удовлетворении нужды [31]. Томский комитет помимо вышеуказанного взял на себя обязанности по ведению переписки с семей с воинскими чинами и поиску работы для членов семей [25].

В городах Сибири под патронажем Всероссийского общества «Красного Креста» были образованы Дамские комитеты, куда входили супруги гласных членов думы, членов биржевого комитета и купеческого общества. Дамские кружки создавались даже в сёлах, например в Змеиногорске [14]. Они принимали материальные пожертвования, изготовляли бельё из жертвуемых материалов, организовывали специальные денежные сборы, а также анализировали материальное положение семей запасных воинских чинов и оказывали им материальную помощь. Змеиногородский дамский комитет к 15 мая 1904 г. оказал помощь 83 семьям запасных нижних чинов, были розданы одежда, обувь, мыло и чай [14]. Дамские комитеты устраивали разного характера благотворительные мероприятия, направленные на сборы средств в пользу семей призванных на войну военнослужащих. Так, дамский комитет Ново-Николаевска устроил спектакль в общественном собрании 28 ноября 1904 г. В пользу семейств ушедших на войну. Удалось собрать 420 руб. 70 коп. [24]. Вклад комитетов был очень велик. Так, за февраль – апрель 1904 г. в г. Томске продовольственное пособие было выдано 511 семьям 3 424 рубля, за тот же период дамский комитет города выдал 2 955 рублей 52 копейки [26].

Активное участие в социальной защите семей воинских чинов приняли ведомственные комиссии. В г. Томске при местном округе путей сообщения действовала особая комиссия, которая собирала пожертвования от чиновников и служащих в количестве 1% от месячного оклада и распределяла эти деньги между семьями призванных на войну ранее служивших в округе путей сообщения. К 11 июля 1904 г. комиссия выдала пособий на сумму 265 руб. 87 коп. [16]. Значительный вклад внесли различные частные и государственные организации, проводившие разовые и постоянные сборы среди своих служащих и работников. Рабочие томского винного склада вместе с любителями поставили спектакль в пользу семей запасных нижних чинов [23]. Однако, не смотря на усилия общественных организаций полностью решить проблемы социальной защиты семей воинских чинов решить не удалось в первую очередь по причине незначительных финансовых средств и постоянного удорожания товаров первой необходимости. Денежных средств, которых было бы достаточно, общественность собрать не могла. Бюджет г. Томска на покрытие расходов, связанных с войной, потратил 91483 руб. 30 коп., тогда как для возмещения этих расходов из Военного министерства поступила лишь 21000 рублей [20]. В бюджете г. Барнаула к концу 1904 г. образовался дефицит в 66 000 руб., вызванный оказанием помощи семьям призванных на войну [30]. За первую половину 1904 г. томским окружным полицейским управлением было выдано семьям запасных нижних чинов 94 860 рублей, за период с февраля по сентябрь 127 185 рублей [11, 12, 13]. В среднем в месяц в г. Томске на пособия семьям расходовалось около 16 000 рублей [19]. Такие неподъёмные для региона расходы приводили к сбоям в системе призрения семей военнослужащих. Так, в мещанской управе г. Томска родителям запасных воинских чинов было отказано в выдаче пособия по причине отсутствия денег [21].

Русско-японская война 1904-05 гг. показала не готовность государства решать проблемы семей воинских чинов, призванных в действующую армию. Низкий уровень социальной защиты во многом спровоцировал рост выступлений запасных нижних чинов после

возвращения на Родину. В тоже время жители Томской губернии, не смотря на тяжёлый экономический кризис, спровоцированный войной, не остались равнодушными к судьбе своих земляков на фронте и их семей на Родине и по мере возможностей помогали им пережить тяжёлое время.

Список литературы

1. Восточное обозрение. № 46 от 24 февраля 1904 г.
2. Восточное обозрение. № 76 от 31 марта 1904 г.
3. ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 573. Л. 7.
4. ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 572. Л. 123.
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5799. Л. 2.
6. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в воинах начала XX века. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. 385 с.
7. *Горяинов С.М.* Уставы о воинской повинности (Свод законов Том IV книга I, 1897 г.) дополненные всеми позднейшими узаконениями по 1 апреля 1903 г.) с разъясняющими их извлечениями из решений правительствующего Сената, приказов по Военному и Морскому ведомству, циркуляров Министерства внутренних дел, Главного штаба и других действующим правительственных распоряжений за 1874 и следующие годы по 1913 г. СПб., 1913. 531 с.
8. Приложения к вернподданейшему отчёту о деятельности главных управлений Военного министерства, вызванной войной с Японией в 1904-1905 гг. СПб., 1912. 207 с.
9. *Ростов Н.Д.* Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. 191 с.
10. *Ростов Н.Д.* Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. 304 с.
11. Сибирская жизнь. № 105 от 19 мая 1904 г.
12. Сибирская жизнь. № 221 от 10 октября 1904 г.
13. Сибирская жизнь. № 250 от 14 ноября 1904 г.
14. Сибирская жизнь. № 109 от 23 мая 1904 г.
15. Сибирская жизнь. № 114 от 30 мая 1904 г.
16. Сибирская жизнь. № 129 от 17 июня 1904 г.
17. Сибирская жизнь. № 132 от 20 июня 1904 г.
18. Сибирская жизнь. № 134 от 24 июня 1904 г.
19. Сибирская жизнь. № 149 от 11 июля 1904 г.
20. Сибирская жизнь. № 20 от 26 января 1905 г.
21. Сибирская жизнь. № 247 от 11 ноября 1904 г.
22. Сибирская жизнь. № 263 от 1 декабря 1904 г.
23. Сибирская жизнь. № 27 от 4 февраля 1904 г.
24. Сибирская жизнь. № 27 от 4 февраля 1905 г.
25. Сибирская жизнь. № 29 от 6 февраля 1904 г.
26. Сибирская жизнь. № 42 от 24 февраля 1904 г.
27. Сибирская жизнь. № 60 от 16 марта 1904 г.
28. Сибирская жизнь. № 232 от 18 ноября 1905 г.
29. Сибирская жизнь. № 83 от 18 апреля 1904 г.
30. Сибирская жизнь. № 9 от 13 января 1905 г.
31. Сибирский листок. № 14 от 19 февраля 1904 г.
32. Сибирский листок. № 15 от 24 февраля 1904 г.
33. Сибирский листок. № 28 от 5 февраля 1904 г.,
34. Сибирская жизнь. № 41 от 22 февраля 1904 г.
35. Томские губернские ведомости № 22 от 3 июня 1904 г.

XV Всероссийская научно-техническая конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и молодежь»

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В АЛТАЙСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Попова И.А. – аспирант, Ростов Н.Д. – д.и.н., профессор
Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Приходят годы, меняются люди и события. В нашей памяти навсегда остаётся подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. И мы должны сделать всё возможное, чтобы эта память сохранилась в сердцах будущих поколений. Каждый регион внёс колоссальный вклад в победу над фашистской Германией, в том числе и Алтайский край, который за годы войны стал мощным промышленным гигантом СССР.

Изучая события военных лет, историки всё больше уделяют внимание боевым сражениям, городам, героям войны и все меньше обращают внимания на тыл, ведь именно в тылу ковалась Победа! Победители-тыловики, остались в тени, несмотря на непосильный, практически круглосуточный труд. Многие даже не предполагают какая сложная миссия была уготовлена тем, кто остался в тылу. Несмотря на то, что за прошедшие десятилетия отделяющие нас от Великой Победы, вышло большое количество трудов, освящающие как общие, так и отдельные проблемы деятельности тыла, многие вопросы по прежнему остаются недостаточно изученными и требуют всестороннего анализа и объективной оценки. К числу таких проблем в нашем регионе относится исследования деятельности оборонной промышленности, удельный вес которых в общем потоке научно – исторической литературы остаётся пока относительно незначительным.

До войны Алтайский край не располагал широкой индустриальной базой, способной оказать необходимую помощь развернувшейся в крае с началом Великой Отечественной войны эвакуации. Агрессия фашистской Германии поставила народное хозяйство региона в сложные условия, приведшие к сокращению выпуска промышленной продукции. Так предприятия находящиеся в Алтайском крае на начало войны не были оснащены современным оборудованием, которое в случае войны можно было использовать для производства военной продукции. На многих предприятиях были установлены станки, возраст которых превышал 40 лет [12].

В сентябре 1941 г. на совместном заседании ВКП(б) и краевого исполкома Алтайского края были рассмотрены вопросы, перевода экономики Алтая на военные рельсы. Для этого было необходимо в кратчайшие сроки подготовить план приёма эвакуированных предприятий из прифронтовых зон, найти стройплощадки для их размещения, обеспечить объекты рабочей силой и строительными материалами. Решение поставленных задач было возложено на Алтайскую комиссию по эвакуации под председательством Н.А. Смердова. Эвакуация началась с первых дней войны и продлилась более полутора лет.

В связи с тем, что процесс эвакуации протекал в экстренном режиме, в сжатые сроки, отсутствовал чёткий план эвакуации, что привело к неразберихе на местах. Эвакуированные заводы направляясь на места размещения, по пути следования разкомплектовывались и перераспределялись в другие точки, не предусмотренные планом. Станки, агрегаты, материалы поступали на строительные площадки неравномерно и в разрозненном виде. Это привело к увеличению сроков проведения эвакуации более чем на 30 %. На местах прибытия не было обеспечено хранение, транспортировка, охрана прибывших материальных ценностей. В основном всё размещалось и хранилось под открытым небом.

Правительство СССР для места расположения эвакуированных предприятий выбрало территорию Алтайского края неслучайно. Регион был значительно удалён от линии фронта и имел богатую строительную базу. Помимо всего, Алтай расположен на стыке транспортных путей Урало – кузнецкого комплекса, рядом с угольно – металлургической базой, метал с которой стал поступать на предприятия уже с 1942 г. Немаловажным фактом при выборе места для эвакуации стало наличие людских ресурсов.

В результате эвакуации Алтай смог принять более 100 эвакуированных предприятий из Западных районов страны, в том числе 24 завода общесоюзного значения, что составило 31 % от общего числа предприятий эвакуированных в Сибирь. В их числе были заводы: сельскохозяйственного машиностроения, тракторный, тракторного оборудования, два кательных, механических прессов, вагоностроительный и другие [1, с. 117]. Одной из основных проблем с которой предстояло столкнуться было то, что на Алтае не было энергоресурсов которые смогли бы в полной мере обеспечить эвакуированные промышленные предприятия электроэнергией. Единственной ТЭЦ промышленного назначения в Алтайском крае была ТЭЦ Меланжевого комбината. Остальные ТЭЦ были коммунального предназначения и не могли служить для промышленного использования. Все ТЭЦ края имели возможность обеспечить эвакуированные предприятия только на 25 % [11]. Для обеспечения необходимым количеством энергоресурсов промышленных предприятий края были отстроены тепловые электростанции в Рубцовске, Новоалтайске, реконструирована Чемальская ГЭС, введён в стой ряд ведомственных электростанций (Меланжевого комбината, Бийского сахарного завода). Это позволило увеличить мощность Алтайских ТЭЦ с 120 до 180 мил. КВт./ч. Решением от 4 ноября 1941 г. СНК СССР включил в военно – хозяйственный план строительств огорэлектростанции малой мощности на реках Алей, Большая Речка, Чумыш, Локтевка. Это способствовало решению проблемы электрификации Алтайского края. К 1945 г. в крае производилось 262,2 мил. КВт./ч. электроэнергии, что составило около 200 % довоенного уровня 126,4 мил. КВт./ч.

Вслед за всем встал вопрос с рабочими кадрами. Вместе с эвакуированными предприятиями прибыло всего 60 % специалистов от предусмотренного количества. Остальных приходилось добирать из числа оставшегося местного населения. В их число вошли работники предприятий легкой промышленности и кооперативных артелей, которые не были знакомы со сложным оборудованием прибывших предприятий тяжёлой промышленности. Возникла необходимость в обучении людей профессиям токаря, слесаря, кузнеца, литейщика, сварщика. [2, с. 90]

Подготовка и обучение мобилизованного населения Алтайского края осуществлялось через систему трудовых резервов, которая включала в себя железнодорожные училища (ЖУ), ремесленные училища (РУ), школы фабрично – заводского обучения (ФЗО), работали стахановские школы, проводили различные целевые курсы, кружки техникума и индивидуальное обучение. Система трудовых резервов Алтайского края включала в себя 3 ЖУ, 7 РУ, более 15 школ ФЗО [14].

Развитие промышленности Алтайского края в послеэвакуационный период прошло ряд этапов. Реконструкция местной промышленности, строительство новых объектов, выпуском продукции с использованием сырьевых запасов, эвакуированных вместе с оборудованием, после перехода на местное сырьё. За годы войны полностью изменилась отраслевая структура Алтайской промышленности: появилось крупное машиностроение, химическая, станкостроительная и другие отрасли промышленности. Была создана оборонная промышленность. На предприятиях стали выпускать гильзы, снаряды, мины, гранаты, патроны разных калибров, танковые радиостанции и многое другое. Шло наращивание производства на основе ранее созданной базы и одновременно расширялась производственная база бывших эвакуированных предприятий. В первую половину 1945 г. началась конверсия предприятий Алтайского края. Это связано с сокращением централизованного снабжения края товарами широкого потребления, на этом этапе происходит переход предприятий на выпуск гражданской продукции [13].

За годы войны в промышленности Алтайского края произошли значительные изменения. Край стал крупнейшим поставщиком как военной, так и гражданской продукции. В целом промышленное производство Алтая выросло за военное время в 1,6 раза, а продукция крупной промышленности в 1.75 раза. Особенно хорошо работала оборонная

промышленность. В последний год войны она выдала на оснащение красной Армии в 40 раз больше продукции, чем в начале войны.

Список литературы:

1. Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. док. / под ред. Е.В. Заруцкой: Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1960. - 236 с.

2. Зиновьев, Т.Г. Подготовка рабочих кадров в системе трудовых резервов Западной Сибири (1941 1945 гг.) / Т.Г. Зиновьева // Известия СО АН СССР. - Новосибирск, 1971. - Вып. 3. - С. 72 - 79.

3. История России в вопросах и ответах: учебное пособие /С.А. Кислицын. – Ростов / Н. Д. Изд-во «Феникс», 2001. – 640 с.

4. Кузница Победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1980. — 423 с.

5. Мавродин В. В. «Рождение новой России», Ленинград, Издательство Ленинградского Университета, 1988. – 535 с.

6. Машкарин, М.И. Вклад Сибири в победу над немецко-фашистской Германией / М.И. Машкарин // Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне: сб. тез.в и докл. III Всерос. науч. конф. Омск, 5-6 мая 2005. Омск, 2005. - С. 37 - 39.

7. Савицкий, И.М. Создание в Западной Сибири крупного центра по производству боеприпасов / И.М; Савицкий // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». 2005. - № 2. - С. 17 - 23;

8. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / под ред. Г.А. Куманева. -М.: Наука, 1989.-422 с.

9. Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне ноябрь 1942 1943 гг. / отв. ред. А.В. Митрофанова. - М.: Наука, 1989.-392 с.

10. Государственный архив Алтайского края (ГААК):

11. Ф.Р. – 618. Оп. 2. Д. 31. Л. 100

12. Ф.Р. – 718. Оп. 4. Д. 44.

13. Ф.Р. – 718 . Оп. 13. Д.5

14. Ф.Р. – 718. Оп.14. Д.1.